

Е. В. Анисимов

«ЗЕЛО ВЫ ЩАСТЛИВЫ»: ОБ ИСТОКАХ МОГУЩЕСТВА
А. Д. МЕНШИКОВА*

По масштабности личности и силе ее влияния на историю России XVIII в. А. Д. Меншикова можно сравнить только с Г. А. Потемкиным. В их судьбах есть много черт сходства, хотя Меншиков обладал значительно большим, чем князь Таврический, могуществом и на протяжении всего царствования Петра был истинно «полудержавным властелином». Иностранцы поражались проявлениям этого могущества. Юст Юль писал: «Крайнего удивления достойно, что перед своим уходом князь Меншиков поцеловал всех принцев и цариц в губы и что молодые царевны (дочери царицы Прасковьи Федоровны. – *Е. А.*) устремились к нему первые, стараясь наперегонки поцеловать у него на прощание руку, (которую) он им и предоставил»¹. Меншиков саживал за одним столом с королями, некоторые иностранцы называли его «принц Александр», одевался он в такую же драгоценную одежду, что и короли, а жил по-царски в своем дворце, «угощая необыкновенно роскошно» сотни гостей. В письмах Меншиков обращался к царю просто: «Господин капитан!» (с 1706 г. – «Господин полковник!»), а подписывался кратко: «Александр Меншиков» – и в отличие от большинства сподвижников Петра он не ставил перед именем традиционное и непременно «раб твой» или «нижайший раб». День св. Александра Невского 23 ноября был фактически государственным праздником тезоименитства светлейшего, пышно отмечавшимся в столице. Когда в отсутствие Меншикова сенаторы во главе с канцлером подписывали протоколы заседаний Сената, то они теснили свои подписи к нижнему краю листа, оставляя пространство под текстом протокола для огромной и корявой подписи светлейшего, если он изволил подписать протокол. Также они стремились угодить ему, называли его в посланиях к нему «благодетелем и братом», «милостивым патроном», «батькой». Меншиков писал царю о ссоре в Сенате в 1722 г.: «[П. П. Шафиров] бесчестил меня напрасно, что будто бы я могу всех побить»². Шафиров был недалек от истины: авантюриста Сен-Илера Меншиков «утрожал палками бить»³.

Чтобы понять феномен могущества Меншикова, вспомним опять Потемкина. Несомненно, скромный смоленский дворянин, как и сын дворцового конюха (кому нравится – польского шляхтича!), могли бы в те времена сделать карьеру по службе, но никогда бы они не достигли вершин власти, если бы не были фаворитами, любовниками своих коронованных повелителей. Именно интимная близость сделала возможной

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 20-09-42051 «Петровская эпоха».

ошеломительную карьеру как Меншикова, так и Потемкина. В литературе значение «случая» Потемкина общепризнано, об интерпретации же «случая» Меншикова как фактора его карьеры почти ничего не сказано. Однако тема эта, ранее традиционно запретная, важна не для поиска «клубнички», а для реального понимания феномена меншиковского могущества. Стремясь беспрепятственно пройти между Сциллой прошлого и Харибдой ханжества, откажемся от многочисленных свидетельств тех современников-простолюдинов, кто «свечки не держал», но свой язык распускал, говоря, что царь – «гузомойка» и «живет с Меншиковым блудно, для того его и жалует», оставим без внимания намеки и высказывания мемуаристов о тайных причинах успехов светлейшего⁴. Обратимся к безусловно достоверным источникам – эпистолярному наследию, к переписке Петра и Меншикова. Вообще, письма Петра к сподвижникам почти всегда исполнены суровой требовательности, беспеллационности, содержат порой грубые, оскорбительные для адресатов выпады, а иногда несут в себе страшную угрозу опалы. Послания же Петра к Меншикову написаны будто другим человеком. В основном это деловая переписка, но есть письма, в которых много сердечных, ласковых, интимных выражений: «меин герценкин», «меин липсте фронт», «меин бесте фронт», «mijn zielenkind» («дитя моей души»), «Алексаша» и т. д.⁵ Даже если мы не будем однозначно трактовать довольно недвусмысленные фразы Петра типа: «А сам для Бога не мешкай; а для чего, сам знаешь...»⁶ или «...только дай, дай, дай, Боже, видеть вас в радости. Сам знаешь»⁷, «Зело утесняет меня то, что сам знаешь»⁸, или, наконец, сочтем невинной фразу из царского письма 1709 г. «...начевать буду за две мили до Харкова или в Харкове (только не ревнуй, где буду начевать)»⁹, то все равно общий анализ писем позволяет утверждать о глубокой, горячей любовной связи корреспондентов. Петр с нетерпением ждет писем любимца («...получил от вас письмо, до которого с великою печалью был»¹⁰), негодует на потерявшиеся в пути послания, обижается, что получил от друга писем меньше, чем написал ему: «Тут же зело истинно с печалью жалою, что вам сия печаль напрасная в таких ваших трудах нанеслась, будто я не пишу; истинно, сие уже 8 письмо пишу»¹¹, и при этом просит: «Пожалуй, пиши к нам, понеже зело скучно, что разстались»¹². Царь выражает огорчение от расставания с Меншиковым («при горести отъезда»), жалуется на скуку – следствие разлучения с ним, выражает нетерпение и желание как можно быстрее соединиться: «...Прошу, дабы изволили уведомить нас о пути зимнем и как нам к вам быть, чего дай, Боже, в радости, ибо сие разлучение не без скуки»¹³, «Ныне, по отъезде от вас, Бог знает каково мне»¹⁴, «Гей, зело скучило!»¹⁵, «...немалую печаль имею, что уже давно было пора к вам быть...»¹⁶, «...остаюсь разлучен ныне токмо телом, но не духом»¹⁷ и т. д. Пожелание видеть фаворита всегда «в радости» – другая дежурная тема писем царя к Меншикову, как и обязательный тост, выпитый за его здоровье («При сем отпуске пьем про ваше здоровье и вас о том же просим»)¹⁸. Меншиков в унисон отвечал царю: «...препровожаем время не без скуки»¹⁹, «Нам здесь без милости вашей зело ныне скучно...»²⁰. Он также мечтает о встрече: «...дай Боже, очи ваши в радости видеть»²¹. Все это – свидетельства типичной любовной переписки. Пожалуй, такие ласковые письма Петр писал только Екатерине, да и то в последнее десятилетие их брака, когда на смену по-солдатски грубоватому обращению «Матка!» появляется ласковое «Друг мой!».

Письма часто сопровождались подарками. Так, Петр посылает другу то «своеручного дела шапку», то парик из собственных волос, кусок серебряной руды, сыр. Слал Петр фавориту и свои токарные поделки. К ласковому, нетерпеливому письму («...тогчас

поеду к вам, понеже, истинно, трудное мое житье и лутче с вами быть, нежели всюды отповеди писать») приложил подарок – «...коробочку... малое, толко от доброго сердца»²². Вероятно, такой же подарок был приложен к другому письму 1707 г.: «При сем посылаю своей работы презент вашей милости, а паче желаю с помощью Божиею видеть вас»²³. Меншиков, в свою очередь, тоже слал презенты: табак, «отняв у господина Брюса»²⁴, «крушку»²⁵, лимоны²⁶, вербу²⁷ и весенние «петербургские овощи»²⁸. Так же поступал Петр, когда сам оказывался в Петербурге, а Меншиков – в отъезде, приписывая: «...хотя и мало, однакож изволте помнить, отколь прислано и ис какова места»²⁹. Оба корреспондента были собачниками и посылали друг другу щенков, один из которых вырос в любимую царем «Лизавету Даниловну», ставившую в письмах к «брату» лапой «подпись», а царь дополнял: «Лизет Даниловна, лапку приложа, челом бьет»³⁰. Самым грандиозным подарком Меншикова царю ко дню его именин в 1712 г. стал фрегат «Самсон».

Много внимания уделялось в переписке заботе о здоровье друг друга. После встречи в Меречах под Вильно, куда Петр специально приезжал, чтобы повидаться с Меншиковым, он писал жене фаворита Дарье: «...откармите Даниловича, чтоб я не так ево паки видел, как в Меречах»³¹. Когда Меншиков болел, Петр его посещал. Собираясь на воды Пирмонта, Петр просит недомогающего Меншикова прислать описание своей хвори, с тем чтобы показать опытным врачам³². Когда же хворь одолевала царя, Меншиков не выходил из дворца и даже ночевал там³³.

Нельзя утверждать, что Меншиков цинично эксплуатировал любовь Петра. Даже через надиктованные письма светлейшего просвечивает чувство. Во время дела царевича Алексея, которое страшно удручало царя, Меншиков написал ему необыкновенно теплое, дружеское письмо, где были такие проникновенные слова: «...прошу, дабы о том сокрушать себя не изволили, но высокоумным своим разсуждением уничтожить; ибо, как сами изволите разсудить, что из онаго сокрушения никакой пользы, кроме вреда здравину, приобрести не возможно. Слава Богу, что оно открылось»³⁴. В письме Екатерине Меншиков поощрял царицу отвлекать супруга «...от приключившейся печали (которая, по воли Божией, от злодеев, или от сынов дьявольских, наступила)...»³⁵. Меншиков хорошо изучил характер и повадки Петра, приспособился к тяжелому нраву самодержца. Когда требовалось, он проявлял выдержку, хладнокровие, терпел унижения и побои властелина; знал, в какой момент нужно слезно покаяться в грехах, честно сказав, что жульничал по наущению других, и безропотно возвращал наворованное, чтобы потом просить о прощении штрафа³⁶.

Важно отметить, что Меншиков каждый раз выходил сухим из воды не только благодаря своему тактическому «петроведению», но и той «стратегической» системе, которая сделала невозможным расставание царя со своим любимцем даже после того, как жар плотской любви между ними с годами угас. Меншиков сплел (или это вышло со временем само собой) вокруг царя такую прочную паутину, которую тот был не в силах, при всем своем желании, разорвать. Здесь-то и кроется еще одна из причин могущества Меншикова, его непотопляемости и скрытной власти над Петром. После смерти близких царю Ф. Лефорта и П. Гордона Меншиков стал центральной фигурой той клики, которая окружала царя и состояла из немногих наиболее проверенных, близких Петру с юности людей. Среди них были государственные деятели, шуты, корабельные мастера, преобразенцы – сослуживцы царя, коммерсанты, а порой и случайные люди – все, кого

в переписке Петр и члены клики называли «наши», «товарищи наши», «наша кумпания», которой часто царь и Меншиков передавали поклоны³⁷. Их сплачивали походы, сражения, труд на верфи, непрерывная и часто неудачная борьба с бессмертным Ивашкой Хмельницким: многие из них входили во Всепьянейший собор. При этом они чувствовали себя избранными, членами некоего, отделенного от всех прочих, ордена со своим неписанным уставом, сложившимися правилами постоянной игры в равенство перед шутовским тронном «князь-папы», или «святейшего», Н. М. Зотова. Они, в отличие от прочих подданных, имели свою особую переписку, где не было титулатуры, а использовались прозвища³⁸. Нарушителя этого правила Ф. М. Апраксина Петр укорял, отмечая: «...для того, что ты нашей компании...»³⁹ Все эти люди были зависимы от Меншикова: были ему должны, обязаны чем-то, искали его расположения, рассчитывали, что он замолвит за них словечко перед царем. Эти клиенты светлейшего всегда и везде окружали царя, сообщая Меншикову о всех подробностях дел, здоровья, времяпрепровождения государя. Первым среди них был кабинет-секретарь Петра А. В. Макаров, а также братья Олсуфьевы, П. П. Шафиров, П. А. Толстой, обер-фискал А. Я. Нестеров и многие другие.

В стратегии Меншикова важную роль играла женская половина «кумпании», поначалу сложившаяся при дворе сестры Петра царевны Наталии Алексеевны. В ней состояли Марта Скавронская, ставшая царицей Екатериной, сестры Арсеньевы, одна из которых, Дарья, вышла замуж за Меншикова, сестра Меншикова Анна; также игравшие роль шутих «игуменья» Дарья Ржевская и Анисья Толстая – «тетка многомышленная» – и др.⁴⁰ Тесная связь Екатерины и Меншикова общеизвестна. Первоначально основанная на интимных отношениях, она переросла в прочную дружбу. Их объединяло также единство социального происхождения, необходимость, во имя выживания в чуждой им среде знати, держаться вместе. И когда Меншикову было совсем уж плохо и казалось, что петля раскачивается над его головой, Екатерина, слезно ходатайствуя за него перед царем, спасала от беды. До конца жизни они оставались друзьями. Так и видишь эту мирную сцену: согласно журналу, Екатерина «кушала дома и при ней сидел» Меншиков⁴¹. Важную роль в этой комбинации играли «княгиня Даниловичева» – Дарья Меншикова – и ее сестра Варвара, дружившие с царицей. Порой кажется, что обе пары – Петра и Екатерины, Александра и Дарьи – жили одной семьей, недаром о свадьбах Петр и Меншиков сговорились заранее, заключив в 1705 г. «шароль»-договор⁴². Они собирались то в царском дворце, то – чаще – в Меншиковском, вместе отмечали там праздники, крещения детей. Не забудем, что в Меншиковском дворце прошло и венчание Петра и Екатерины в феврале 1712 г., да и попросту они съезжались и «имели разговоры», «боялись», ходили в церковь. Дети обеих пар воспитывались вместе, более всего во дворце светлейшего, особенно во время длительных отлучек Петра и Екатерины из Петербурга. Царь постоянно получал от Меншикова известия о благополучии своей семьи и в ответ с благодарностью замечал: «...детей не покидаешь»⁴³. Когда же Меншиков был в отъезде, Петр писал: «Наши домашние, також и ваша дочка поклон отдают, понеже веселимся в вашем доме»⁴⁴. Светлейший был своим человеком в детских покоях царского дворца, о чем сохранилось множество свидетельств, вроде радостного сообщения царю о «выдающемся» событии: у царевича Петра Петровича «четвертой зуб вырезался»⁴⁵! Внезапный удар молнии, попавший в трубу Летнего дворца во время грозы 19 июня 1716 г., как бы раздирает для нас завесу времени: в «Повседневных записках» мы читаем, что в тот

момент А. Д. Меншиков был в покоях царевны Елизаветы Петровны и «тогда государыню царевну с кроватью, а его светлость на стуле подняло, однако благодарить Бога, никакого вреда [гром] не учинил»⁴⁶. Легко представить себе, как Данилович пришел успокаивать испуганную начавшейся грозой шестилетнюю девочку и в момент удара молнии сидел возле ее кровати и что-то ей рассказывал. А в 1721 г. Меншиков в первой паре с ней, ставшей редкостной красавицей, открывал «немецким танцем» бал. Словом, порвать этот теплый клубок близких друг другу людей, соединенных родственными и дружескими отношениями, и потащить бывшего «мин херца» на эшафот под вой всех этих баб и кучи детей Петр, конечно, не мог. Поэтому можно доверять английскому дипломату Дж. Маккензи, который писал в 1714 г., что после разоблачения очередного жульничества светлейшего ему, Маккензи, «...сообщают, будто царь недавно ласково обратился к князю Меншикову с уверением, что возвратит ему великодушную, полную милость „прежнего Петра“, если он, князь, станет „прежним верным Александром“»⁴⁷. Так повторялось и позже не раз.

Наконец, был еще один важный источник могущества Меншикова – его незаменимость в системе власти Петра. Меншиков был истинным самородком, легко вникавшим в суть дела. Так, несомненен полководческий талант Меншикова. Только одна победа при Калише в 1706 г. увековечила бы его в анналах русской военной истории, а на его счету были еще Полтава и Переволочна. Смелый, инициативный, даже рискованный полководец, он мог бы командовать всей армией, а не отдельными корпусами, но Петр считал, что более осторожный Б. П. Шереметев рисковать не будет и армию сохранит, а это царю было важно. Да и в гражданской сфере Меншикову не было равных. Уже с первых поручений – ведать обозом Великого посольства в 1698 г.⁴⁸, восстанавливать Шлиссельбург (1703) – он проявил способности администратора толкового, активного, бравшего ответственность на себя. Он был требователен, а порой суров с подчиненными, отличаясь при этом завидным трудолюбием. В 1706 г. он, инспектируя кавалерию, за два дня «...сам всех полков лошадей осмотрел...», произведя выбраковку негодных. Речь идет минимум о семи тысячах лошадей!⁴⁹ Недаром Петр писал ему в 1712 г.: «Знаем вас, что гулять не станете»⁵⁰. Петербург своим расцветом обязан непрерывным трудам его первого губернатора. В «Повседневных записках» мы читаем, что царь и Меншиков заходили в мастерские, «гуляли по строениям... по рядам, мясному и рыбному... довольно разговаривая»⁵¹. Им было о чем поговорить: Меншиков, самый талантливый из сподвижников Петра, был знающим, опытным управленцем и нередко давал царю дельные советы⁵². Так, в 1706 г. – тяжелое время для армии – он посоветовал «повеселить» армейских генералов «за их доброе управление», прислать в армию «комплимент», что царь тотчас сделал, и Меншиков в ответ так благодарил государя, что это было больше похоже на похвалу⁵³. Более того, царь сам требовал от «Алексаши» совета: «...прошу впредь, чтоб, на такие дела и свой совет прилагая, ко мне писать»⁵⁴ и т. д. Кажется, что обычно недоверчивый и подозрительный к людям Петр доверял только Меншикову: «...ныне же, что пишете, чтоб вам в том поверить, и о том сам можешь разсудить, чтоб я и не в том вам поверил»⁵⁵ – или: «...полагаюсь в том на вас ведая доброе сердце ваше»⁵⁶. Петр не сомневался также в точном исполнении Меншиковым поручения, каким бы сложным оно ни было. И опять же, перед нами неизбежно возникает вопрос: зачем нужно было Меншикову, могущественному, богатейшему, умнейшему человеку, воровать, жульничать, чтобы раз за разом попадаться и тем самым позорить свое доброе

ния? Может быть, в этом проявлялся извечный синдром ставшего нуворисшем бедняка, который не уверен, что бедность к нему не вернется? Может быть, его побуждала к преступлениям атмосфера повсеместного воровства, привычка запускать руку в казенный карман, а главное – у него всегда оставалась надежда на молчание сообщников, помощь Екатерины, отходчивость царя, который был без Даниловича как без рук, вера в свою удачу, счастье, которое ему долго не изменяло. Недаром в 1712 г. Петр писал ему: «Зело вы щастливы»⁵⁷!

- ¹ Юль Ю. Записки датского посланника в России / пер. с дат. Ю. Н. Щербачева // Лавры Полтавы. М., 2001. С. 111.
- ² Голиков И. И. Деяния Петра Великого. М., 1838. Т. 9. С. 228.
- ³ МИРФ. СПб., 1866. Ч. 3. С. 338.
- ⁴ *Liechtenban F.-D. Pierre Le Grand. Le premier empereur de toutes les Russies. Paris, 2015. P. 126–127; Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство: рубеж эпох, или Начало пути. 1697–1698. СПб., 2008. С. 250.
- ⁵ ПиБ. СПб., 1887. Т. 1. С. 331, 789–790 и мн. др.
- ⁶ *Есипов Г. В.* Жизнеописание князя А. Д. Меншикова по новооткрытым бумагам // Русский архив. 1875. Кн. 2. Вып. 7. С. 234–235.
- ⁷ ПиБ. СПб., 1889. Т. 2. С. 127.
- ⁸ Там же. С. 128.
- ⁹ ПиБ. М., 1950. Т. 9. Вып. 1. С. 200.
- ¹⁰ ПиБ. СПб., 1912. Т. 6. С. 128.
- ¹¹ ПиБ. СПб., 1904. Т. 4. С. 436.
- ¹² ПиБ. Т. 6. С. 82.
- ¹³ ПиБ. Т. 4. С. 410.
- ¹⁴ ПиБ. Т. 6. С. 81.
- ¹⁵ ПиБ. СПб., 1893. Т. 3. С. 162.
- ¹⁶ ПиБ. Т. 4. С. 479.
- ¹⁷ Там же. С. 437.
- ¹⁸ ПиБ. СПб., 1907. Т. 5. С. 241.
- ¹⁹ ПиБ. Т. 3. С. 782.
- ²⁰ Там же. С. 789.
- ²¹ Там же. С. 806.
- ²² ПиБ. Т. 6. С. 123.
- ²³ Там же. С. 93.
- ²⁴ ПиБ. Т. 3. С. 931.
- ²⁵ ПиБ. СПб., 1904. Т. 4. [Примечания]. С. 753.
- ²⁶ ПиБ. Т. 4. С. 311.
- ²⁷ МИРФ. СПб., 1865. Ч. 2. С. 556.
- ²⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 97. Л. 400.
- ²⁹ ПиБ. Т. 6. С. 159.
- ³⁰ ПиБ. Т. 3. С. 952; Т. 4. С. 184.
- ³¹ ПиБ. Т. 6. С. 144.
- ³² Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 81. Л. 406, 413.
- ³³ ПЖПВ. СПб., 1912 (1715 г.). С. 65, 72, 77–79.
- ³⁴ *Голиков И. И.* Дополнение к деяниям Петра Великого. М., 1794. Т. 12. С. 26–27.
- ³⁵ *Есипов Г. В., Погословский М. И.* Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича. М., 1861. С. 305.
- ³⁶ Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 61. С. 323.
- ³⁷ ПиБ. Т. 1. С. 204, 548–549; Т. 6. С. 168, 478–479.
- ³⁸ ПиБ. Т. 4. С. 184.
- ³⁹ ПиБ. Т. 1. С. 113.
- ⁴⁰ ПиБ. Т. 4. С. 410.
- ⁴¹ ПЖПВ. СПб., 1912 (1714 г.). С. 144.
- ⁴² *Есипов Г. В.* Жизнеописание князя А. Д. Меншикова по новооткрытым бумагам. С. 245.
- ⁴³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 82. Л. 207.
- ⁴⁴ ПиБ. М., 1992. Т. 13. Вып. 1. С. 127.
- ⁴⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 82. Л. 373; ПЗМ. С. 174.
- ⁴⁶ ПЗМ. С. 48.
- ⁴⁷ Сб. РИО. Т. 61. С. 327–328.
- ⁴⁸ *Богословский М. М.* Петр I : материалы для биографии. М., 1941. Т. 2. С. 437.
- ⁴⁹ ПиБ. Т. 4. С. 960.
- ⁵⁰ ПиБ. М., 1975. Т. 12. Вып. 1. С. 200.
- ⁵¹ ПЗМ. С. 169–170, 172.
- ⁵² МИРФ. СПб., 1867. Ч. 4. С. 113.
- ⁵³ ПиБ. Т. 4. С. 985, 1045.
- ⁵⁴ Там же. С. 385.
- ⁵⁵ Там же. С. 311.
- ⁵⁶ ПиБ. М., 2003. Т. 13. Вып. 2. С. 117.
- ⁵⁷ ПиБ. Т. 12. Вып. 1. С. 169.